

Дмитрий Ланев

16+

ЧЕРТА ОСЕДЛОСТИ

Старцев

Дмитрий Ланев

Черта оседлости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58140563

SelfPub; 2020

Аннотация

Это три рассказа о нашем современнике. Когда-то, еще в СССР, в порыве романтических чувств он искренне высказался о вводе войск в Афганистан, что дорого ему обошлось. Через много лет он также перешел дорогу кому-то сильному, но неизвестному, за что тоже поплатился. Но только наши времена поставили точку в его истории. В оформлении обложки использована авторская фотография.

Содержание

От автора	4
ЧЕРТА ОСЕДЛОСТИ	5
ГРАЖДАНСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	27
ТАНЦУЙ!	49

Дмитрий Ланев

Черта оседлости

От автора

Важнейшее качество разумного человека, на мой взгляд, это способность задавать вопрос «Почему?», искать и находить на него ответ. Поэтому три рассказа про Николая Ивановича Старцева я разместил в обратном хронологическом порядке. Чтобы ответить на вопрос, почему случилось то, что случилось.

ЧЕРТА ОСЕДЛОСТИ

Бьется солнце о тучи

Над моей головой...

/Б. Гребенищikov/

Старик с длинными седыми волосами, в кожаных штанах и куртке с тисненым орлом на спине сидел на высоком барном стуле в одной из кофеен Петроградской стороны, и смотрел в окно на пересечение улиц и на свой байк у тротуара. Черные штаны и, особенно, куртка придавали его фигуре брутальность и мощь, которой, скорее всего, не было в теле – в вырез футболки можно было заметить худые ключицы и морщинистую шею.

Было восемь утра. Кофейня только что открылась, кроме старика в нее успела заскочить только парочка старшеклассниц из гимназии неподалеку. Они сидели за столиком голова в голове, рассматривали что-то в телефонах, иногда хихикали.

На Старцева они не обращали никакого внимания. А это действительно был он – профессор Николай Иванович Старцев. Когда-то горячий юноша со стихами Вергинского, потом узник психбольницы, беглец из нее, затем восстановленный в правах любимый студентами преподаватель, профессор, удостоенный престижных наград и, в конце концов,

изгнанный из Университета за то, что отказался прикрыть инициированный им же студенческий сатирический журнал. На обложке его очередного номера был нарисован колокол с огромной трещиной, похожей очертаниями на Урал.

– Ну, конечно, это же намек на будущую границу Сибирской республики, – сказал ему тогда коллега Гернштейн, – какой Ученый совет такое потерпит? Тем более, в такие времена!

Теперь это был просто «Профессор» без имени, без заслуг, купивший подержанный «Харлей» и втиснувшийся в общество байкеров, которое потеснилось, дало ему соответствующую роду занятий кличку, и, в общем, спокойно поделившись с ним куском своей своеобразной свободы. Старцев не говорил им, что ветер в лицо, рев моторов, удивленные или недовольные глаза пешеходов – это не свобода. Это просто одно большое звено цепи, по которому они несутся, накручивая круги. Он решил покататься с ними. Некоторое время. А потом – видно будет. Решил так, понимая, что «потом» – это не понятие, это измерение, в котором обычно оказываешься внезапно, часто не по своей воле.

Анна опаздывала. А чего ожидать от молодой женщины, талантливой и своенравной? Она обожает свою скрипку. Потому и опаздывает всегда и отовсюду – с репетиций, с концертов, от каких-то знакомых музыкантов.

Зашли две женщины бальзаковского возраста. У каждой большая сумка. Взяли по капучино и пирожному. Сели неда-

леко.

Из внутренних помещений вышла девушка в коричневой фирменной пилотке, в руках держала бумажный лист, оказалось – объявление. Подошла к двери, приклеила скотчем листок к стеклу. Повернулась и пошла обратно.

– Закрываетесь, что ли? – спросила одна из женщин.

– Нет, просто с шестого апреля работаем только на вынос.

И доставка, – ответила девушка в пилотке.

– А! Вирус и до нас добрался, – сказала вторая.

– У нас генетическая проспиртованность, – весело добавила первая, – нас никакой вирус не возьмет!

– Пусть попробует, сам сдохнет! – поддержала вторая.

Они говорили о пандемии нового коронавируса; судя по объявлению на двери, ставшей не новостью, а событием.

Зазвучал Бах из телефона – звонил Гернштейн.

– Слышал? – резко спросил д.э.н, не удосужившись поздороваться.

– Нет, – ответил Старцев.

– Наш, – Гернштейн сделал многозначительную паузу, – объявил нерабочие, слушай дальше – оплачиваемые дни. И рекомендации – сидеть дома, не высовываться! До конца месяца.

– Не понятно, – усмехнулся Старцев, – внеплановые общенародные каникулы? А как твои студенты?

– Со студентами просто: дистанционка, задания по почте, видеоконференции. У нас и ресурс подготовлен. А вот

мне племянник звонил. Пребывает в шоке. У него фабричка небольшая, что-то пластмассовое делают. Люди спрашивают, как эти дни оплачиваться будут. А он мне звонит – консультируется, мол, как это понимать. Я же доктор экономических наук, к тому же – с юмором.

– Ну, ты ему конечно, ответил?

– Конечно, отослал к первоисточнику.

– К телевизору?

– Ты что! Нет, конечно, к книжной полке. Я недавно томик афоризмов купил, так вот один запомнился: «Настоящее чиновничье государство – это стремление подоить корову до того, как она поест. И еще содрать шкуру, поскольку шкура корове во время доения только мешает – чешется».

– И что сказал племянник?

– Племянник выразился нецензурно. Сказал, что пусть раскупоривает кубышку и платит тот, кто объявляет банкет. В общем, ему не смешно.

Старцев увидел через стеклянную дверь Анну. Нижняя половина ее лица была замотана цветастым платком.

– Извини, прощаюсь. Позже созвонимся, – сказал он Гернштейну, поднимаясь навстречу.

Анна ворвалась в кафе, как свежий ветерок. Ветерок действительно ей сопутствовал – просочился через открытую дверь.

Потянулась, подставляя щеку, но вспомнила про повязанный платок и рассмеялась.

– Привет!

– Привет!

– Я тебе маску принесла. Надень.

– Зачем? – удивился Старцев.

– А вот сейчас покажу.

– Что тебе заказать?

– Двойной эспрессо и что-нибудь не сладкое.

Пока Старцев заказывал кофе и выбирал круассан без начинки, Анна достала из кармана телефон.

– Вот смотри, подруга прислала из Милана, – она положила голову на плечо Старцева, чтобы и самой все видеть.

Видео было не длинным. На первом снимали из салона автомобиля, который проезжал по парковке возле супермаркета. По периметру парковки на расстоянии метров двух друг за другом стояли люди в масках и с тележками. Иногда незначительно перемещались на несколько шагов вперед.

Второе видео снимали из окна. По пустой улице мимо закрытых жалюзи витрин медленно, со скоростью прогуливающегося пешехода, ехала полицейская машина. За ней шли двое полицейских – каждый по своей стороне улицы. За ними еще трое. Все в масках. Что-то бубнил по-итальянски громкоговоритель, вероятно, с машины. Потрясал темп и пустота. Именно так, наверное, выглядит рай перед побудкой.

– Да, именно рай. И именно перед побудкой, – подумал Старцев, а вслух произнес:

– Впечатляет.

Анна достала из сумки и протянула ему маску со смешным пятачком с дырочками спереди.

Старцев взял маску, повертел в руках.

– Ты это серьезно?

– Очень серьезно!

– А через нее можно разговаривать? Ты сможешь разобрать, что я тебе скажу.

– Не знаю, но должна предупредить, что ближайший месяц мы сможем говорить только по телефону.

– Почему?

– Я буду на самоизоляции. И тебе советую. Всего месяц.

Анна смотрела на кофе и круассан. Она явно не могла решить, пренебречь ли безопасностью и снять повязку, или отказаться от удовольствия. Но все-таки стащила платок на шею. Старцев смотрел на нее, на шелковые завитки возле уха, вспоминал.

Год назад Гернштейн позвал его на концерт, в котором участвовала его родственница. К тому времени прошло уже четыре года, как навсегда ушла Лариса. Четыре года Старцев только работал и занимался дочерью. Вера, окончив школу, тут же записалась на какие-то бесчисленные языковые курсы, трижды в неделю тренировалась ай-ки-до, крутилась в молодежных организациях экологического и культурного толка. Старцев ее возил, встречал, что-то субсидировал, иногда ненавязчиво объяснял пределы. Наконец Вера поняла, кем хочет стать, и подала заявление в соответствующий

университет в Англии.

– Папа, ты ведь меня понимаешь? – спросила она Старцева.

Старцев посмотрел на нее – серьезную, высокую и гибкую, с тринадцати лет носящую короткие стрижки. Конечно, он ее понимал.

– Разумеется. Другого быть не может.

Потом подумал и добавил:

– Денег хватит, не беспокойся.

По случаю концерта Старцев сменил джинсы на костюм, завязал галстук. Вера, прилетевшая на каникулы и тоже приглашенная, критически осмотрела его и вынесла вердикт:

– Мама бы одобрила.

Сама она надела темно-синее платье, туфли. Старцев представил, как они будут идти по фойе, и подумал:

– А ведь кто не знает, что дочь, могут подумать черт знает что!

Так оно и случилось. После концерта Гернштейн позвал всех к себе, включая родственницу-пианистку. С родственницей была подруга – скрипачка. Знакомя их, Гернштейн сказал:

– Николай Иванович Старцев, профессор, кумир молодежи с дочерью Верой.

– Ах, вы дочь! – воскликнула скрипачка.

– Увы, – ответила Вера, – иногда хочется быть просто молодежью.

У Анны оказалось важное для Старцева качество: она умела слушать и задавала вопросы, предполагающие размышления перед ответом и продолжение разговора. Например, она не спросила, было ли холодно, когда Старцев участвовал в лыжном забеге в Университете и сломал лыжу. Тогда пришлось возвращаться пешком и пришлось померзнуть. Она сказала:

– Я на такой случай всегда беру рюкзачок со свитером. На скорость не влияет, а может пригодиться.

Она тоже оказалась лыжницей, и они еще поболтали о том, что если зимы так и будут бесснежными, то придется стать бегунами.

Она также не спросила – через полгода, что его толкнуло тогда с Вертинским – сами стихи, или что-то другое. Она сказала:

– Я думаю, это было страшно. Это ведь был приговор, конец всему. Я бы не смогла.

И подняла на Старцева испуганные глаза. Тогда он и понял, какая она красивая. Как музыка, которую она исполняла. Ею не хотелось обладать, с нею хотелось быть рядом.

В ответ на ее встревоженный взгляд он впервые взял в свои руки ее ладони и, перебирая пальцы, ответил:

– Мне это казалось игрой, серьезной, но игрой. Был расчет на вторую жизнь – задолго до компьютерных игр. Такое было воспитание. В школе проходили «Как закалялась сталь», революционеров помнили по именам. Геройская гибель обе-

щала вечную память. Это теперь все серьезно: либо ты, либо тебя. В порошок, навеки. Даже интернет не спасет – завалит горами фейков.

С того разговора она взяла над Старцевым что-то вроде шефства. Приезжала, готовила еду по особым рецептам.

– Тебе надо правильно питаться, ты ценный представитель человечества, должен дожить до встречи с инопланетным разумом.

– Это твоя скрипка – ценность, – отвечал Старцев.

– Моя скрипка – это оружие, – смеялась Анна. – Вот прилетят злые инопланетяне, а мы выставим против них первоклашек из музыкальных школ, особенно по классу скрипки, и я в первых рядах, как командир. Вот инопланетные мозги и полопаются.

Старцев часто сопровождал ее на концерты, заходил за кулисы, знакомился с музыкантами. Иногда она целовала его в щеку, и тогда Старцев ощущал еле приметный, но чудесный аромат. Конечно, его удивляло, что в тридцать два года она не замужем и не имеет явной связи с кем-то помоложе него. – Я тебе найду мужа, – как то пошутил Старцев.

– Найди, – весело откликнулась Анна, – только знаешь, я привередливая, сварливая и строптивая.

Все-таки, у нее кто-то, вероятно, был. Иначе как объяснить, что иногда на ранних встречах, она выглядела как-то по особенному счастливой.

Когда он купил мотоцикл, она нахмурилась.

– Ты уверен, что это безопасно?

– Уверен, ты сама увидишь, что осторожность – мое второе имя.

Она пожала плечами, но покататься согласилась. В ее репертуаре даже нашлось то, что пришлось по душе новым приятелям Старцева. Они предложили ей пива.

– Кажется, я тебя понимаю, сказала она, пригубив из банки, – после Университета это – самое то. Не удивлюсь, если скоро здесь окажется половина твоих выпускников.

И вот теперь Анна, в полном соответствии со своим пониманием женской ответственности за «безрассудных» мужчин, настаивает на соблюдении им новых правил.

– Безопасная социальная дистанция – полтора метра. Вирус не долетает.

– У него что, завода не хватает?

– Какого завода! – Анна нахмурилась, – завод тут не причем. Просто факт – безопасное расстояние.

– Научный факт?

– Не дураки же все. Весь мир это признал.

– Весь мир – это отговорка. А если я не хочу, если я не боюсь?

Анна нахмурила брови:

– Человек может сам не болеть, но быть носителем, и заразить того, у кого иммунитет слабый. И тот может умереть.

– И что? – спросил Старцев.

Анна не разделяла его насмешливый тон.

– Ну, во-первых, жалко человека. А во-вторых, могут определить, кто его заразил, гуляя без маски, а это – уголовная ответственность.

– Да, именно так – во имя защиты больных, бедных, слабых, обездоленных неинициативных, неподвижных и часто необразованных совершаются преступления против здоровых, богатых, бодро шагающих за горизонт.

– Какой горизонт?

– Горизонт судьбы!

– Ты не прав, – вздохнула Анна.

– Знаешь, – проникновенно проговорил Старцев, – я не пророк, но могу рассказать, как все будет. Сначала будет весело. На масках будут рисовать губки, язычки. Интернет переполнится видео и фото дуреющих от скуки людей: сначала будут показывать кухни, потом спальни. В конце концов и это надоест, люди перестанут шутить по поводу изоляции. Останется раздражение, которое будет нарастать. Но к раздражению легко привыкнуть, как к ноющему колену. Так возникает новый вид – homo пандемикус. Вот в прошлом веке мы были homo советикус, потом вроде встряхнулись, а теперь – новый виток. Все по Дарвину.

– У тебя колено болит? – встревожилась Анна. – Ты не говорил.

– Да нет, ничего у меня не болит. Чувствую себя преступно здоровым... на фоне событий.

Старцев помолчал, потом приложил маску к лицу, снова

снял:

– У меня недалеко от дачи знакомый живет. Бросил все городское, уехал в деревню, перепелок разводит, коз каких-то коричневых. Так я ему позвонил поздравить с днем рождения, спросил, как живет. А он таким спокойным, скорее даже просветленным тоном отвечает, что он в тот день увидел первого после зимы шмеля. И обрадовался ему больше, чем дню рождения! Вот он переживет всех.

– И как он, доволен жизнью?

– Не знаю. Перепелки, говорит, болеют. Порой дажедохнут. Нет стабильности в хозяйстве.

– Ладно, – сказала Анна, – делай, как знаешь. Мне пора. И по поводу мотоцикла – ты не рано выехал, утром еще ледок на дорогах?

– Соскучился, – ответил Старцев, – стоял в гараже, холодный, мертвый. А тут зафыркал, заурчал, как кот. Я себя просто Христом почувствовал, оживляющим мертвых. Решил до дачи прокатиться, да по окрестностям. Весна ведь.

– Не упоминай Христа всуе, ты же не веришь, – Анна прикоснулась к его щеке губами.

– Пока, будь осторожен.

Старцеву понравился только что придуманный термин «хомо пандемикус» и он его с удовольствием повторил. Открытием захотелось поделиться, тем более, что разговор с Гернштейном пришлось прервать, не дослушав до конца про

племянника.

Голос у Гернштейна был недовольным, говорил он нехотя, как будто опасался, что переполнявшие его чувства могут вырваться и разнести его мир, как цунами прибрежные японские городки. И его – Гернштейна – миссия укротить эти чувства.

Про племянника сказал одно:

– Собрал рабочих, сказал, что кто хочет воспользоваться любезным предложением свыше, могут идти домой. Зарплату получают, если деньги останутся. Но пока есть заказы, лучше думать о своем кармане. Так что, домой никто не ушел. Пока работают, племянник им какие-то бумажки выписал, чтобы ездить могли, маски выдал, спиртом руки моют. Хотя сам дергается: у него все крупные заказчики – бюджет. Предупредили, что уходят на каникулы, согласно распоряжению.

Выговорившись, Гернштейн стал способен выслушать соображения Старцева об эволюции.

– Начнем с *homo erectus* – человек встал с четверенек. Потом он стал *homo sapiens* – начал шевелить извилинами. А в прошлом веке миру был явлен *homo советикус*, но это локальное явление, может быть, проба на прочность. Ну а теперь все идет к тому, что вывелся *homo пандемикус*.

– И в чем разница, – спросил Гернштейн.

– Разница есть. *Хомо советикус* был счастлив, получал удовольствие от ощущения себя винтиком, частью большой системы, грандиозного механизма, достающего до луны. Он

был счастлив жертвовать собой, близкими, всем дорогим ради величия системы. Не лидеров нации, заметь, не ЦК – всей системы. Этим он отличался от хомо сапиенс. Тот был упертым первопроходимцем, рыскал везде в поисках наживы и придумал, что колыт делает людей равными, то есть творит чудеса.

А хомо пандемикус – он помешан на безопасности, самолюбовании, неприкосновенности тела, заметь, не личности – тела. Доиграются, «большой брат» обеспечит им безопасность, в первую очередь – от самих себя. Никто не уколет-ся, не обожжется, не посадит занозу при выстругивании рогатки. Забудьте про «Эмиля из Ленеберги» с его ножиком в пять лет. Не положено в пять лет иметь ножик – опасно.

И это не волчья стая. И не Тимур с командой. Это даже клеткой назвать нельзя. Это улей. Знаешь, в улье, функционал рожденной пчелы зависит от температуры. Если в улье не хватает, например, рабочих пчел, то те, которые отвечают за развитие личинок, то ли нагревают их, то ли охлаждают до той температуры, когда рождаются именно работяги. Вот – пчелы умеют, а человек долго вокруг этого бродил, на звезды поглядывал. И тут на тебе, какой удобный случай – вирусишка расшалился. Как бы сказал сейчас Вольтер: если бы вируса не было, его следовало бы выдумать.

– А дальше то что?

А дальше трудный путь в гору. Сначала встать с четверенек, потом пошевелить извилинами. Потом, наверное, не

обойтись без того, чтобы встать плечом к плечу... Но как тут встанешь, если социальная дистанция?

– Да, замкнутый круг. Какая-то социальная магия.

– Это не магия, не выдуманный круг мелом на полу против нечисти, это реальная черта оседлости. Проведенная по живому, узаконенная.

– Да, помолчав, ответил Гернштейн, – черта оседлости. Рыбы глаза чиновников. И овчарки.

Поговорив с Гернштейном, Старцев поднялся, но был остановлен очередным звонком. Это был Вячеслав, спросил:

– Ты как, в маске?

– Нет.

– И я нет, – удрученно ответил Вячеслав, – не достать. Ни в одной аптеке нет. Нашел в интернете по полтиннику за штуку. И то, только завтра доставят.

– Вернусь, свою отдам. У меня, похоже, многоразовая.

– А ты сам как?

– Пока не решил. Анна уверяет, что маска необходима, но не достаточна. Для полной безопасности нужно спрятаться, запереться, общаться только по телефону и сетям. С тревогой прислушиваться к шуму подъезжающих машин и шагам на лестнице: вдруг – врачи за соседом.

– Ну, ты прямо апокалипсис рисуешь. Это в тебе культурное наследие прошлого вскипело – прямые ассоциации с тридцать седьмым. А Анна правильно делает – не столько о

себе думает, сколько о других. Кто его знает, этот вирус, на что он способен.

Старцев ответил:

– Это не я прошлое вспомнил. Но во времена культа враг был очерчен, он был назван, был виден, у него было тело и язык. Его можно было сторониться. Во времена культа простодушным людям можно было рассчитывать, что врагов рано или поздно всех выловят и накажут. И был шанс остаться вне всех этих процессов врачей, профессоров, даже избежать раскулачивания можно было, отдав все подчистую в колхоз.

А теперь – враг-невидимка. Он везде, куда укажет информированный товарищ начальник. Покажет на тебя, и ты станешь врагом самому себе, потому что сказано «80 процентов переносят бессимптомно». Пере-носят, несут угрозу другим, враги обществу.

– Твоя версия понятна, но..., – Вячеслав подбирал слова, – но не могут же все люди во всем мире, в самых что ни на есть развитых демократических странах ошибаться.

– Что будет с людьми – довольно понятно, – резко ответил Старцев. – По крайней мере – в обозримом будущем. Это ведь первый опыт, первая репетиция, когда чиновники щелкнули пальцами, и весь мир встал. Кто-то в очередь за гречкой, а Вера, вот, прилететь не смогла. А хотела. Интересно, как они будут жить, все эти люди – с пониманием, со знанием такого будущего. И как они могут забыть ... о своем

будущем?

– Ну, не думаю, что все так плохо. Создадут вакцину, будем прививаться, как от гриппа.

– Ты думаешь, – спросил Старцев, – это последний вирус? Ты же знаешь, эти вирусы сейчас, как в восточных сказках – в каждой лампе по джину. Только потри и скажи: хочу, чтобы весь мир стоял на задних лапках.

– Все-таки как-то не верится. Не те времена, чтобы вот так просто все объяснялось.

– А ты вспомни, как часто мы не верили. Мы не верили, когда в 79-ом вошли в Афганистан, не верили, когда оказались в Сирии, можем не верить в пандемию, не будем верить, когда скажут, что пандемия закончилась, мы теперь никогда ни во что не будем верить. А между тем, это все было и есть: Чехословакия, Афганистан, Сирия, болезни, безграмотность. Но теперь мы никогда ни во что не будем верить. Я даже не знаю, возможен ли теперь бог?

– Мы, это кто? – осторожно спросил Вячеслав.

Старцев рассмеялся:

– Да, тут ты меня подловил. Вовремя тормознул. А то я увлекся, начал проповедовать. Ну, ты знаешь за мной этот грешок.

– Знаю, согласился Вячеслав, – и добавил печально, – как и то, что ты обычно оказываешься прав.

– Знал бы ты, как меня это тяготит, – сказал Старцев. – А так иногда хочется постоять за гречкой.

– Привязался ты к этой гречке. Полезный продукт, между прочим. Наталья считает, не реже раза в неделю надо есть...

Вячеслав бы еще продолжил делиться кулинарными правилами жены, но Старцев быстро попрощался:

– Все, пока, Вера звонит. Вернусь, привезу тебе маску.

Разговор с дочерью был лишен многоходовых рассуждений и сантиментов. Вера сообщила, что вылететь не получится, что она остается в Университете, подработка в кафе накрылась, но она рисует и продает рисунки в интернете, так что жить есть на что. И она, совсем как Гернштейн, негодовала по поводу объявленных выходных.

– Я понимаю, бюджетники сидят и радуются, им хоть что то, да перепадет. А частный бизнес? Это ведь крест на частном бизнесе, особенно мелком! И почему люди так равнодушно на это смотрят:

– Да, согласился Старцев, – реакция населения выглядит странной и неестественной: ему набрасывают петлю на шею, а он вертит головой и удивляется, как какой-нибудь художник: «Надо же, с помоста видно дальше!». Наверное, это такие художественные наклонности нашего человека – никогда не преобразовывать картину мира, а только живописать ее. Ну а художник, хороший художник, обычно бывает беден.

Вера секунду помолчала, как она обычно делала, услышав подобную сентенцию от отца, чтобы запомнить, и на досуге осмыслить, и продолжила о своем:

– У нас тут группа образовалась – за ограничение ограничительных мер. А заодно и мер контроля. А то некоторые чиновники снова подняли голос в пользу поголовного чипирования, мол, это всегда актуальный паспорт здоровья. Поднялась температура – и в магазин уже не пускают, или в кино. Вроде, удобно, но как-то стремно.

Старцев согласился и добавил от себя:

– Удобно, но стремно. Все-таки, Вера, мечты сбываются, и желанное достигается обычно через преодоление препятствий, из которых высокая температура – самое незначительное. Чипирование, это удобно, и весь мир будет твердить, что оно необходимо. Но чипирование – это первый шаг к отказу от мечты. Представляешь, захочешь поехать на Стоун Хендж посмотреть, а тебя в автобус не пустят. Смотри, скажут, издалека. А лучше по телевизору.

– Они что, чиновники, которые это предлагают, идут на поводу у паникеров? – спросила Вера.

– Нет, они не идут на поводу. Они держат поводок.

Вера хмыкнула:

– Я это запишу. Это пригодится.

– Запиши. А я проедусь до дачи. И по окрестностям. Скучно в городе, а ведь весна.

– Будь осторожен, папа. И пришли фотки, как там, наша беседка. Я так скучаю по нашим чаепитиям. По маме...

Старцев обещал. И даже обещал покрасить беседку к концу «этой всемирной неразберихи».

Трасса, нагретая дневным солнцем и вычищенная шинами автомобилей, была сухой. Старцев легко объезжал грузовики и малочисленные легковушки. Когда пришлось свернуть на грунтовку к даче, стало сложнее. По обочинам, в канавах и в лесу еще лежали пятна снега, невидимые колдобины взрывались под колесами смесью грязи и льда. Темная туча, на трассе приходившаяся по правую руку, оказалась за спиной и догоняла.

– Успею, – решил Старцев, и погнал вперед, намереваясь проехать кружным путем, посмотреть на просторные, еще рыжие луга, на стремительную из-за половодья Лугу.

Он был один на дороге. Рокот двигателя тонул в осиновой и березовой поросли по сторонам, ели стояли вторым рядом, как взрослые за спинами детей на линейке первого сентября. В поросли с ветки на ветку порхали мелкие пичужки, а там, под елями, в сумраке и сырости, и проходила главная лесная жизнь, изредка высывающаяся на дорогу удивленной лосиной мордой. Старцев знал, что, как горожанину, ему не познать тот мир. Но он ощущал его присутствие, и радовался тому, что, родившись горожанином, не утратил этого чувства. Точнее, снова обрел его.

Может быть, именно так и приходят к служению... богу ли, людям ли, – подумал Старцев, – не умея иначе назвать то главное, что стоит над человеком, и частью чего человек является, что заставляет его следовать своим, для одного него

предначертанным путем.

Вечером того же дня Гернштейн позвонил Вячеславу:

– Наш свободолюбивый строптивец не отвечает.

И обеспокоено:

– Черт понес его в такую погоду!

– Может, у него телефон разрядился, а электричество отключили. МЧС смс-ку прислало, по области ураган, снежные заряды.

– Ну, будем надеяться, что все обойдется.

Позже, через две недели – столько понадобилось времени, чтобы найти, опознать и привезти в Петербург тело, Гернштейн пересказывал последние слова, услышанные от Старцева.

– В его голосе было удивление. И восторг, – тихо говорил Гернштейн. – Он заехал в какую-то деревеньку, а дальше цитирую: «Дома вроде жилые, но все кособокие какие-то. Как будто кепки, надетые набекрень. Вот именно так: деревья в садах уже кучерявятся, и крыши над ними, как кепки на непослушных вихрах – набекрень. Вот она – Россия! Кособокая, кривая, но лихая!»

Эмоций похоронам придавали красные глаза дочери в айпэде Вячеслава – вылететь из Лондона ей не удалось. Студенты стояли стайкой поодаль, как грачи. Вячеслав разливал в пластиковые стаканчики. Наталья раздавала бутерброды с сыром. Да еще Анна, влюбленная в скрипку, медленно води-

ла смычком, исторгая заунывные звуки, какие мог бы издавать ветер в коридорах учреждения, в просторечье именуемом небытием.

2020

ГРАЖДАНСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Променял я на жизнь беспросветную

Несусветную трусость¹ мою...

/В. Высоцкий/

Профессор Николай Иванович Старцев ехал с дачи. Мотор новой машины, кредит по которой был уже почти выплачен, гудел ровно и еле слышно. Весна наступила вовремя, солнце светило весело с синего неба, в канавах еще лежал снег, но асфальт был почти везде сухим. Теплые лужи блестели по обочинам, отражая небо и облака. В них – в черных лужах, которые, будь у них разум, сами себе казались бы океанами, таились невероятные возможности, которые дарит весна всему живому. Иногда какая-нибудь одинокая березка подхватывала изливающийся сверху свет и вспыхивала нежно зеленым, с желтизной пламенем – совсем как на картинах, которых полно в коллекциях русских музеев.

– Забавно, – размышлял Старцев, – мы смотрим на небо, на солнце, на деревья, и думаем: «как похоже на картины та-

¹ У Высоцкого в песне «Банька по белому» вместо слова трусость стоит глупость. Но во время, когда пишется эта повесть, трусость – более подходящее слово.

кого-то и такого-то». А когда не было всей этой живописи, или если кто о ней ничего не знает, с чем такой человек сравнивает то, что видит? С прошлой весной, с позапрошлой? Что важнее, что дает больше возможностей человеку – жить в культурной среде или жить в своем личном времени?

– А, впрочем, надо ли сравнивать? Ясно, что все взаимосвязано, одно в другом, как вода в песке, – подвел итог Старцев, совершая обгон и поглядывая в зеркало заднего вида на автомобиль, оставшийся позади.

– Кого-то обгоняешь ты, – продолжил он разговаривать сам с собой.

– А кто-то обгоняет тебя, – Старцеву пришлось включить дворники, чтобы смыть с лобового стекла грязную воду, плеснувшую из-под колес умчавшегося вперед по встречной полосе черного джипа.

Черный джип с «красивыми номерами» заставил Старцева усмехнуться. Прошло 32 года с того дня, как он вышел на сцену с мятой газетой и прочитал: " Я не знаю, зачем и кому это нужно...". Тогда шел 1979 год². Старцеву исполнилось двадцать три. Университетские преподаватели видели в нем потенциал хорошего ученого и достойного коллеги. Он много времени проводил в архивах, выписывал, сопоставлял. С друзьями слушал «Аквариум», «Воскресение», иногда «Машину времени» и частенько голос Америки. Офицер на Литейном 4 прервал его горячие и сумбурные объяснения дву-

² В этом году СССР ввел войска в Афганистан.

мя словами: «Не гони». Был вечер, офицер выглядел уставшим. Всего два слова – а перепрыгнуть через них было не возможно.

Семнадцать лет Старцев «не гнал», был камнем на дне реки. Сначала, конечно, спорил, бултыхался, от него шли круги. А потом затихли. Следствие, медицинская комиссия. Река текла, его обгоняли даже упавшие в воду листья и дохлые караси. Тяжело давалась дружба с врачами-женщинами. Некоторые из них были неистовыми и ненасытными. А как иначе было остаться собой? Но семнадцать лет назад Старцев перемахнул, порвав халат, через решетку больницы, с единственной целью – стать камнем, выпущенным из пращи, и обгонять, обгонять... А на следующий день, переодетый в костюм старого друга, он был раздавлен и переломан на Невском новой свободной и красивой жизнью. Уже шел 1996-ой. Его жизнь тогда чуть не оборвалась совсем, а у Натальи с Вячеславом началась заново. Вячеслав, услышав крики людей над переходом, бросил свой аккордеон и вылетел наверх, протиснулся к Старцеву, которого узнал в толпе еще внизу, держал его голову заскорузлыми ладонями. Потом они вместе с Натальей приходили к нему в палату, забрали к себе, хлопотали о признании здоровым, здоровым в психиатрическом смысле. Новые порядки, бурные девяностые позволяли творить чудеса – бедные становились богатыми, сумасшедшие обретали справки о полной вменяемости. Реабилитация случилась почти сама собой. Иначе и быть не могло: пере-

стройка!

Там же у Натальи и Вячеслава он познакомился с Ларисой, филологом, после первого быстротечного студенческого брака навсегда избавившейся от литературного взгляда на жизнь. «Одно из последствий войны в том, что люди разочаровываются в героизме» – привела она фразу из Курта Воннегута, когда Старцев рассказал ей о своих юношеских бо-даниях с государством и последовавшей психушке. Он так до конца и не понял этой фразы, но вспоминал ее от случая к случаю.

Через два года родилась Вера – дочка. Старцев ушел в частную жизнь, начал преподавать. На трибунах было тесно, ораторы терлись плечами, и с высоты имеющегося опыта было видно, что все они – одна порода. Хотя, может быть, именно *высота* его личного опыта не давала увидеть различия. И последние пятнадцать лет прошли в состоянии равновесия. Кто-то обгонял его, кого-то обгонял он.

За эту новую жизнь появилось много новых знакомых. Пришел какой-то успех. Его манера преподавать историю стала популярной. Простая мысль, что для того, чтобы точно предсказать погоду на следующий день – нужно быть очень хорошим метеорологом, а чтобы сказать в общем, каким будет следующее лето или следующая зима – достаточно помнить несколько прошлых лет и зим и хотя бы на уровне интуиции понимать, что там – в атмосфере происходит, обрела форму метода. Не очень строгого, но очень подходяще-

го, чтобы превратить историю в науку не столько точную, сколько честную. Собственно говоря, не он первый этот метод практиковал. Достоевский очень хорошо предсказал, что будет с Россией в следующие за ним сто лет. Наверное, и у самого Старцева где-то в глубине мозга уже зрели предчувствия всего, что с ним произойдет, зрели еще тогда, когда – еще ни разу по-настоящему не влюбившись, он вышел навстречу темному залу, чтобы *сыграть*. Ладони были потными. Но была ли это игра?

«Я не знаю, зачем и кому это нужно...». Какое счастье, что со временем появилось много людей, осмелившихся выкрикнуть: «Нам не нужно!». Какое счастье для страны и лично для него – профессора Старцева, что эти люди появились. Какое счастье, что количество информации стало таковым, что оно наконец-то переросло в качество, и теперь по одним физиономиям, по одному словарному запасу, по жестам, по тому, как надрываются глотки можно точно определить – вот с этими нам не по пути.

Хороших, добрых, умных и искренних людей не стало больше, но они стали виднее, они расправили плечи, перестали таиться. Они расходятся по мелочам во мнениях, но, главное – все, что происходит, происходит в соответствии с их ожиданиями. Хорошо и то, что эти люди стали богаче, а их жизнь – безопаснее. Ведь даже... власть можно обсуждать, не опасаясь соседа.

Солнце спряталось в облачко, в машине стало прохлад-

ней, но вот снова полился сверху яркий свет, позолотил прошлогоднюю траву на склонах придорожных канав. Без темноты света не увидеть. Без несчастий счастья не понять! – подумал о себе профессор Старцев и улыбнулся.

Сегодня он возвращается домой, его ждут. Сегодня – его день рождения.

Мелодично зажурчал телефон.

Звонила Лариса. Ее голос на фоне музыки звучал весело. Она тут же сообщила, что Наташа уже приехала и помогает резать салат, а Слава – еще нет, так как поехал в магазин за велосипедом.

– Представляешь, они решили подарить Верке дамский велосипед. Заказали где-то не китайский. Говорят, что пора ей прекращать задира́ть ноги, тринадцать лет скоро.

– С чего это ей подарки, – спросил Старцев, – день рождения же у меня!

– Так весна уже, тепло, – ответила Лариса, – во дворе уже катаются.

– Что ж, у каждого ребенка должен быть свой велосипед, – ответил Старцев, и добавил глубокомысленно:

– В прямом и в переносном смысле.

– Ты лука нарвал? – озабоченно спросила жена.

– Конечно, – Старцев постарался придать голосу важности: зимний лучок лез из земли весело и нагло, и, хоть и был от земли не больше ладони, но сочно хрустел, ломаясь, а теперь потел в полиэтиленовом мешочке на сиденье рядом.

- По дороге купи картошки!
- Непременно, картошки, так картошки.
- И не гони. Будь осторожен.
- Буду, *осторожней меня только тени...*
- Все, отбой, Наташка что-то ищет на кухне, зовет.

Картошка продавалась почти в каждой деревне – сельские бабушки выносили на дорогу то, что осталось от урожая. Бабка в потертом ватнике и в валенках, около которой остановился Старцев, так ловко пересыпала картошку из ведра в пакет, что Старцев даже не успел наклониться, чтобы ей помочь.

– Мы привычные, – сказала бабка, пряча деньги.

– Национальная *форма* одежды, – подумал Старцев про бабкины валенки и ватник, – наследие великих строек. Простое словечко *форма* превращает праздник в испытание.

– А хочешь молока *обедняшнего*? – спросила бабка, – мне только перелить. А ты пока в кафе посиди.

Старцеву понравилось и мягкое слово *обедняшнее*, и то, как молоко было предложено – без натиска, просто, по-свойски. Хотелось ответить добром.

– Много не надо, на пробу возьму.

– У меня двухлитровые бутылки есть, – сказала бабка и ушла по узкой тропинке к дому.

Старцев огляделся и действительно увидел кафе, пристроенное к магазину. Перед входом стоял черный джип с

красивыми номерами, недавно обогнавший Старцева на дороге.

В самом кафе никого, кроме трех человек, очевидно, из джипа, не было. Старцев заплатил за кофе и постоял у стойки, ожидая, когда его сварят.

– Марина, а что сегодня без музыки, – спросил кто-то из троих, – скучаешь?

– Сейчас включу, – ответила Марина, – кофе приготовлю и включу.

Музыка, которую она включила, была под стать обстановке – пластмассовым столикам и стульям, затоптанному полу, запаху табачного дыма и – конечно же – полумраку, призванному не создать, а заменить уют. Это был «Владимирский централ».

– Дай по сто грамм и колбаски, – снова попросил кто-то из троих.

– Да возьмите целую, – ответила Марина, – что мелочиться!

Она принесла бутылку и три стакана. Потом и тарелку с нарезанной колбасой.

– На дорогах становится опасно, – подумал Старцев, допивая кофе. Искать исторические аналогии, делать обобщения не хотелось. Возникшую частную ситуацию было удобнее разрешить частным образом – сесть в машину и поехать своей дорогой. Если бы дело происходило в Америке, может быть, он и позвонил бы в полицию, мол, есть вероятность,

что на дороге пьяный водитель. Но здесь не Америка, и кто знает, может, эта Марина три стакана по ошибке принесла. Да и телефона доверия он не помнил.

Старцев заплатил за молоко, сел в машину и поехал дальше, уверенно держа скорость между сотней и ста десятью. Машин еще было мало. Как обычно в первой половине дня встречное движение было интенсивнее, так что обогнать тащившуюся впереди на девяноста километрах малолитражку было не очень просто.

Но это Старцеву, за пятнадцать лет привыкшему больше отмерять и меньше резать, было не просто «играть в шашнчки». Водитель черного джипа с красивыми номерами, который опять догнал и сигналил дальним светом, чтобы его пропустили, был азартнее.

– Гони, гони, – пробормотал Старцев, прижимаясь к обочине.

Джип почти присосался к заднему бамперу малолитражки, в которой, вероятно, не понимали сигналов и не уступали.

Старцев снизил скорость и на всякий случай увеличил дистанцию – поступил так, как советовал ему водительский опыт.

Джип улучил момент, когда перед встречной машиной, а это был какой-то потрепанный областной грузовик, образовалось достаточное пространство, и пошел на обгон. И тут из-за грузовика и тащившейся за ним фуры вынырнула лег-

ковушка. Вынырнула и тут же спряталась обратно, но водитель джипа тормознул, а когда снова газанул, времени и места уже было мало. Ему удалось проскользнуть на свою полосу перед самым носом грузовика. Но при этом он задел грустную малолитражку, водитель которой, как потом оказалось – неопытная девушка, так и не сумела ни принять в сторону, ни сбросить скорость.

Малолитражку закрутило, вынесло на обочину, и она, кувыркаясь, слетела в канаву.

Старцев затормозил и остановился рядом. За ним остановилось еще несколько машин. Хватаясь за прошлогоднюю траву и мокрые прутья кустов, спустились вниз.

Джип с красивыми номерами задом подъехал к месту аварии. Из него вышел один человек, постоял, глядя сверху на суетящихся людей. Потом его позвали, он вернулся в машину, и джип уехал.

– Сволочи! – выругался кто-то. – Номер кто-нибудь запомнил?

– Я запомнил, – ответил Старцев.

Он позвонил в ГИБДД, представился, и сообщил об аварии.

Минут через двадцать приехала скорая, сразу же за ней ГИБДД. Старцев, видевший все лучше других, подробно рассказал и о самой аварии, и о возможных подозрениях на употребление спиртного водителем.

– Номер помните? – спросил офицер, составлявший про-

токол.

– Помню, – сказал Старцев и продиктовал номер.

Услышав номер, офицер перестал писать и, поморщившись, потер затылок.

– Вы номер-то запишите, – сказал Старцев.

– Запишу, запишу, – ответил, продолжая о чем-то думать, офицер. Потом внимательно посмотрел на Старцева:

– Вы точно этот номер видели? Не могли ошибиться?

– Не мог. У меня была возможность его разглядеть и запомнить, – ответил Старцев с такой интонацией, которую использовал на ученых советах в разговорах с оппонентами.

– И буквы эти?

– И буквы, и цифры.

– Ну, как знаете, – офицер пожал плечами, потом вдруг матерно выругался и записал номер в протокол.

– А вы идите, – сказал он Старцеву. – Тут вот подпишите и можете ехать.

А через пятнадцать минут снова зазвонил телефон.

Уверенный мужской голос осведомился, на самом ли деле он говорит со Старцевым Николаем Ивановичем, и, получив утвердительный ответ, попросил о небольшом одолжении:

– Не могли бы вы вернуться на место аварии и сказать, что не помните номер?хлопоты будут компенсированы.

– Нет, – холодно ответил Старцев, чувствуя, как екнуло сердце.

– Если вам неудобно возвращаться, мы можем подвезти протокол, – предложил голос.

– Нет, – снова ответил Старцев.

– Ну, как знаете, – в трубке щелкнуло, и голос пропал.

Через час Старцев был у дома. С полиэтиленовым мешком картошки в одной руке и вторым – с молоком и луком, в другой поднялся на свой этаж. Дверь открыла Лариса – уже в праздничном платье, надушенная и улыбающаяся.

– Что ты так долго ехал? Пробки?

– Нет, не пробки, потом расскажу, только руки помою, – Старцев разделся и пошел в ванную. В коридоре у двери в комнату дочери стоял новенький красный велосипед с большим бантом на руле.

– Веры еще нет? – спросил Старцев.

– Еще нет, – ответила Лариса, они к концерту готовятся, наверное, задержали.

– А далеко школа? – крикнула из гостиной Наталья.

– Пять остановок.

– Ничего, на велосипеде быстрее будет доезжать, чем на троллейбусе, – Вячеслав вышел в коридор и обнял Старцева:

– Ну, хозяин! Картошка, молоко, лук! Раскулачивать пора!

– За стол! За стол! – торопила Лариса. – А то мы волноваться начали. Нет и нет именинника. А в интернете написали, что авария какая-то. Как раз на нашем шоссе. Ребенок

пострадал. Говорят, снова какой-то чиновник нарушил.

Старцев вошел в гостиную, стал пожимать руки. Легкая тревога, вызванная последним звонком, исчезла.

Первым на правах старого друга слово взял Вячеслав. Встал, оглянулся, собираясь с мыслями, на телевизор. Звук был выключен, только картинки мелькали.

– С Николаем мы знакомы, дай бог памяти, с середины семидесятых. Десятилетку вместе закончили, на истфак вместе поступили. И всегда Николай был первым. Мне удалось только в одном его обскакать – я женился раньше. Но тут у Николая уважительная причина была – советская власть ему помешала. Отвлекла от женского пола, заставила о *душе* подумать в местах хоть не далеких, но недоступных. Но свидетелем у меня на свадьбе он стать все равно успел.

Вячеслав повернулся к Старцеву:

– Тебе – пятьдесят пять! Как ни крути, возраст ответственный. Поэтому, зная твой ответственный подход ко всем делам, желаю тебе здоровья. Чтоб еще на столько же хватило!

Затем были еще тосты, желали успехов, вспоминали заслуги. Кто-то предложил тост за счастливую семью. Естественно, спросили про дочь.

– У нее все такие же волосы до пояса?

– Такие же!

– И маму по росту догоняет?

– Почти догнала!

– И все такая же отличница?

– Такая же!

– Тоже ответственная?

– Тоже!

– На занятиях сегодня?

– Ни них, на них!

Когда расправились с первыми салатами, и кто-то из гостей пошел курить на лестницу, Старцев подошел к Ларисе:

– Вера не звонила?

– Нет, я сама набирала. Телефон выключен. Сел, наверное, вечно она болтает, за батареей не следит!

– Ну, ладно, – ответил Старцев, – наверное, действительно, серьезный концерт.

Он вышел на лестницу к курящим. Через окно, открытое, чтобы выходил дым, со двора доносился визг пьяной компании. Скамейки под чахлым тополем манили к себе всех забулдыг квартала. У кого-то даже была гитара. И снова три аккорда и – «Владимирский централ, ветер северный...».

Курящие докурили и ушли к столу. На лестнице остались только Старцев и Вячеслав.

– Знаешь, – сказал Старцев, – я эту песню сегодня уже слышал.

– Немудрено, – ответил Вячеслав, туша сигарету.

– Нет, не все так просто, – Старцев оглянулся наверх, на закрытую дверь в квартиру, – слушай.

– Он рассказал об аварии и о последовавшем звонке.

Помрачневший Вячеслав снова закурил, помолчал, потом сказал:

– Знаешь, эти номера лучше не запоминать.

– А как же ответственность, про которую ты говорил. В том числе и гражданскую ответственность, – Старцев усмехнулся, – мы столько о ней всегда говорили, а вот случай представился проявить – и такая буря в голове: страх, стыд за страх, прошлое права предъявляет, стоит, как стенка – не отступить.

Вячеслав с ожесточением загасил, ломая, недокуренную сигарету:

– О своих подумай. Тоже, между прочим, ответственность.

Потом, у самой двери, тронул Старцева за рукав:

– Ларисе не говори пока.

Вернулись за стол. Смущенная и покрасневшая Лариса поднялась с бокалом шампанского в руке. Шампанское было налито от души – по тонкой стенке сползала струйка пены.

– Ты потрясающий человек! За тобой – как за каменной стеной! Ничего не страшно!

Старцев, смущаясь, тоже встал, обнял жену.

– За такие слова поцеловать нужно!

– Горько! Горько!

Поцеловались. Выпили по глотку. Сели.

Мне показалось, пришел кто-то, – сказала Наталья, вроде

дверь щелкнула.

В коридоре послышался шум и жалобный звон велосипедного звонка.

– Упал, – сказал Вячеслав.

– Вера пришла. Пойду, помогу ей. А то велосипед дверь загораживает, – Лариса выбралась из-за стола.

– Ну а мы пока за хозяйку выпьем! – Вячеслав оглядел бокалы гостей, – пополняем запасы нектара, за хозяйку глоток должен быть полноразмерным.

– Что-то долго они там помогают друг другу, – Старцев тоже встал и за спиной Вячеслава пробрался к выходу из гостиной.

Велосипед лежал на боку, переднее колесо еще медленно крутилось. Лариса стояла у двери в комнату дочери и дергала ручку.

Она посмотрела на мужа:

– Не открывает. И плачет как будто!

Старцев постучал в дверь:

– Вера, открой!

За дверью что-то шуршало, как будто разлеталось что-то легкое. Потом все смолкло и стало слышны всхлипывания.

– Вера, что случилось? Открой! А то папа дверь сломает!

Всхлипывания прекратились. Снова зашуршала то ли одежда, то ли бумага.

– Отстаньте, я сама, – непривычно хриплым голосом ответила через дверь Вера. – Идите к гостям. Я сама приду!

– Пойдем, дадим ей пять минут, – Старцев взял Ларису за локоть.

– Она тебе подарок готовила – книгу из букинистического магазина. Может, забыла где-нибудь, – вздохнула Лариса, – или купить не успела. Вот и расстроилась. Переходный возраст – нервы никакие!

За столом полемизировали. Вячеслав приводил признаки деградации политической элиты и общества в целом.

– Жируем, – говорил он, – обложились кредитами, на выборы не ходим!

Ему отвечал коллега, д.э.н. Гернштейн.

– Выборы, – Гернштейн говорил медленно, так как одновременно намазывал горчицу на кусочек говяжьего языка, – при современных способах информационных спекуляций – отживший и не эффективный способ воздействия на власть. Граждане должны голосовать рублем. И они будут голосовать рублем, когда встанет выбор: еда или налоги.

Кто-то спросил, куда нести рубли.

– Соседу, – ответил д.э.н.

– Так это же, по сути, серая экономика, следующий шаг – натуральный обмен.

– А зачем вам чистая, белая, пушистая экономика, если вас туда не пускают? – спросил Гернштейн. – Если это чужие денежные потоки? От Гольфсрима вам же тоже не тепло, не холодно. Так вот и думайте об экономике, как о Гольфстриме.

– Я так понимаю, что этот прогноз насчет натурального хозяйства – это такое отступление из исторического тупика. Но потом ведь снова придется идти вперед, – резюмировал Вячеслав. – И сколько идти?

– Два поколения. Минимум два поколения граждан, привыкших обходиться без соски, ощущающих персональную гражданскую ответственность за себя и все вокруг себя, – Гернштейн поднял кусок намазанного горчицей языка и стал похож на судью с молоточком.

Вернувшись к столу Старцева и Ларису гости встретили дружным звоном бокалов.

– А мы за вас наливаем, за вашу счастливую семью, – сказала Наталья. – Только вот этих спорщиков не уговорить. Как собираются – все о политике. Особенно этот, – она шуточно потыкала вилкой в сторону Гернштейна.

– Да, усмирите его! У меня нет сил продолжать дискуссию, – взмолился Вячеслав.

– Это невозможно, – ответила Лариса, – еще Чехов заметил, что с интеллигенцией трудно сладить. Она утомляет.

– А еще, – Гернштейн прищурил глаз, – Чехов сказал, что от сытости начинается либеральная умеренность! А я что-то чувствую себя еще недостаточно умеренным.

Он потянулся к тарелке с селедкой под шубой, но вдруг замер, уставившись на что-то за спиной Старцева. Почему-то все замолчали.

Старцев и Лариса оглянулись.

Дочь, их всегда жизнерадостная Вера, наивно и уверенно оправдывавшая свое имя, стояла в дверном проеме, бледная, с красными зареванными глазами. На щеках блестели полоски от слез. Она почему-то была еще в своей яркой – белой с красными штрипками и с красным помпоном шапочке и куртке.

– Вера, ты почему не раздеваешься? – спросила Лариса.

Вера опустила голову, потом медленно подняла руку и стянула с головы шапку.

Старцев ожидал, что, как обычно, из-под шапки хлынет поток золотистых волос, но волос не было. Никаких. Вместо них он увидел голый череп, обтянутый бледной кожей, с несколькими запекшимися ссадинами.

Лариса охнула и рухнула на стул.

– Кто это сделал! – заорал Старцев, инстинктивно подняв над головой побелевшие кулаки.

– Ненавижу! Всех ненавижу! – крикнула Вера, прыгнула к столу, схватила бутылку и с размаху ударила ею в экран телевизора. Выронила ее и вдруг повернулась к Старцеву, уткнулась лицом ему в грудь и зарыдала в полный голос. Зарыдала не по-девчоночьи, не так, как плачут тринадцатилетние подростки, а горестно, по-бабьи, как рыдали женщины над могилами своих мужей и сыновей, над сожженными домами во время и после уже не одной войны.

Быстро нашлись успокоительные капли. Рассказ Веры, прерываемый приступами слез, был короток:

– Вышла из музыкальной школы. Два парня схватили за руки. Затащили в машину. Один держал, другой брил. Все время куда-то ехали. Потом сунули в руку записку и вытолкнули из машины. Оказалось – возле дома.

– Ну, ничего, ничего, – бормотала Лариса. – Пойдем, ляжешь. Папа позвонит в полицию. Хулиганов поймают.

Снимая куртку, Вера вынула из кармана листок и протянула его Старцеву. Потом, всхлипывая, ушла с матерью

Старцев развернул листок, прочитал, смял в кулаке.

– Что там? – спросил Вячеслав.

Старцев протянул ему записку. Затем она перешла в руки Натальи, потом Гернштейна.

Тот прочитал ее вслух:

– А мы вам предлагали встретиться.

Слово «вам» было подчеркнуто.

– Сволочи! – выругался Гернштейн, – еще с подтекстом пишут, подчеркивают. Грамотные!

Вернулась Лариса, стала наспех собирать на тарелку еду для Веры. Увидела у Гернштейна записку, взяла, прочитала и подняла глаза на мужа. Он понял без слов, сел к углу стола, рассказал все, как было. Как пил кофе, как видел аварию, как запомнил номер и настаивал на том, чтобы его записали в протокол, как потом говорил по телефону.

Пока он говорил, Лариса кусала губы. Потом встала, взяла тарелку и ушла к дочери.

– Не звони никуда, – сказала она Старцеву, – бесполезно.

Гости еще посидели, но было не до еды и не до питья. Наталья вспомнила про то, что читала об этой аварии в интернете, что машина – не простая. На это кто-то ответил, что в таком случае записан номер, или не записан, разницы нет. Вычеркнут, если надо.

– А что же они так ... по-зверски?

– Да просто так. Им на мужское достоинство наступили, на гордость их лагерную. Вот они и отыгрались.

Разговор не складывался. Каждый к своему пятому десятку знал за собой то, что не дает рвать на груди рубаху.

Старцев проводил гостей и постоял на площадке, прислонившись лбом к холодному вечернему стеклу. На скамейке под тополем светились огоньки сигарет и шевелились слившиеся в одну бесформенную массу тени.

Спустился Вячеслав, закурил.

– Как она теперь в школу пойдет, – не спросил, а просто подумал вслух Старцев.

– В шапочке, – ответил Вячеслав. – Конечно, шок. Травма, как говорят психологи, может быть на всю жизнь. Так что вы для школы вместе что-то придумайте. Мол, были на даче, делали шашлык, случайно подпалили волосы. Пришлось состричь. А правду чужим не рассказывайте. Наши то все опытные, трепаться не станут.

– Страшно, если она на всю жизнь запомнит, что это из-за меня, из-за моей дурацкой гражданской ответственности.

– Какая, к черту, гражданская ответственность! – усмех-

нулся Вячеслав. – Тут впору говорить о гражданской обороне!

Помолчали.

– А Верка – умная девочка. Она поймет. Кто знает, может именно так и закаляется сталь, растет молодая гвардия. Еще гордится будем. И волосы отрастут!

– Кому это нужно? Сталь, гвардия! – усмехнулся Старцев.

Снова помолчали. Вячеслав закурил вторую сигарету.

– Знаешь, – сказал он, помедлив, – мне дед рассказывал, что во время войны они в окопах и вправду часто говорили о том, как заживут после войны. Я думал, это пропагандисты придумали, а дед говорил – правда, мечтали, планы строили. А мы что-то все о текущем, все о настоящем. Как будто другого будущего никогда не будет. Ни завтра, ни послезавтра, никогда.

Он закашлялся и с сожалением посмотрел на сигарету:

– Бросать курить надо. А то не доживу и не увижу, как Верка нам всем нос утрет. Да и холодно здесь. Пойдем, съедим чего-нибудь. И выпьем, как в старые времена. А то и про нас скажут, как говаривал любимчик твоей жены Антон Павлович – голодная собака верит только в мясо.

ТАНЦУЙ!

Я тоже ничего не понимал!

Но вы хотя бы чувствовали!

/А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом/

Николай Иванович Старцев на Невском оказался не сразу. Ранним утром, когда улицы пусты и прохладны – и это несмотря на лето и ожидаемую давящую жару днем, его можно было видеть шагающим по Суворовскому проспекту. Сначала он шел быстро и решительно, чуть согнувшись в поясе и иногда поворачивая голову назад, насколько позволяла худая шея. При этом его правое плечо отчего-то приподнималось и Николай Иванович становился похож на чучело ворона. Для полноты образа не хватало очков в металлической оправе. Очков не хватало и на самом деле – Николай Иванович близоруко щурился. В блеклом сиянии рассвета и без того плохо различимые таблички на углах домов с названиями улиц совсем расплывались.

Но по мере удаления от Смольного собора шаги Николая Ивановича укорачивались, взгляд реже обращался назад и чаще в стороны. С удивлением Николай Иванович вглядывался в темные витрины магазинов. За одной из витрин что-то яркое привлекло его внимание. Это оказался большой телевизор; таких больших Николай Иванович не видел ни-

когда. Обращенный экраном к витрине, сквозь которую не проникал звук, телевизор распахивал соблазнительное нутро, где переваривались и переплавлялись одна в другую страсти человеческие. Телевизор светился, как некая звезда в черном космосе ночного магазина. Николай Иванович даже остановился и вгляделся. Необычной формы автомобили мчались по широкой дороге, пересекающей волшебные, совсем не российские ландшафты, подъезжали к решетчатым воротам, отворяющимся без участия человеческой мускульной силы, из автомобилей выходили люди...

– Почему охранника нет? – задался вопросом Николай Иванович. Вопрос относился к воротам виллы, увиденной в телевизоре.

– Как они живут – без сторожей!

Тут картинка исчезла: широкие спины двух ночных дежурных, сидящих до этого в креслах неподвижно и потому незаметно, зашевелились и сомкнулись в тот самый миг, когда блондинка с экрана обернулась через неприкрытое плечо. Дежурные обменялись сигаретами и вернулись в прежнее положение, но Николай Иванович вспомнил, что должен торопиться. Полученные у магазина впечатления повлияли на него таким образом, что взгляд его стал теперь быстрее, любопытнее, но временами в нем мелькала незамечаемая ранее жесткость.

На углу Таврической улицы он был вынужден свернуть с широкого и возбуждающего проспекта, так как далеко впе-

реди мелькнул синий огонек машины милицейского патруля.

Санитар Павел, в добрых поступках которого проявлялась настоящая нескрываемая злость, что-то сказал на ход ноги, но Николай Иванович не понял, что именно, так как в тот момент не слышал почти ничего кроме своего дыхания, сбившегося после прыжка с почти трехметровой высоты. Ступни еще ныли, при быстрой ходьбе боль ощущалась слабее, что и заставляло Николая Ивановича почти бежать.

– Не спеши встречаться с живыми покойниками – будь то люди, будь то стены. Прыгать как ты они все равно не умеют, – сказал санитар Павел.

Слова эти вышли из подсознания внезапно – одновременно с глухим ударом в сердце. К этому времени Николай Иванович уже пересек Таврический сад и стоял спиной к кинотеатру перед некогда хорошо знакомым домом. Но дверь, в старые времена похожая на отогнутую крышку консервной банки, теперь исчезла. На ее месте образовался изукрашенный мозаикой, освещенный белым светом подъезд, в котором деревянные створки казались произведением искусства в раме, а не просто двумя половинками двери. Не верилось, что они могут открываться. Она и не открывалась. Николай Иванович отошел и посмотрел на знакомые окна, благо они были невысоко над землей – на первом этаже. Но и они, безусловно, изменились – оделись в решетки.

Старый друг, приглашавший сюда Николая Ивановича, сказал как-то, что мечтает быть истопником в богатом до-

ме. Сказал – и скрылся на следующей ступеньке погруженной во мрак и запах кошек лестницы. Если бы Николай Иванович не знал точно, что старый друг умер два года назад, умер почти что в его присутствии, он подумал бы, что мечта наконец-то сбылась. Николай Иванович тогда постучал бы или надавил на кнопку спрятанного среди разноцветных камешков звонка. Но друга привезли в бессознательном состоянии с Пряжки. Из разговоров санитаров стало ясно, что эта смерть испортила бы показатели того заведения. А за их оградкой в том месяце умирали редко.

– Как мало ему хотелось. Или наоборот, как много – постоянно быть возле огня. – думал Николай Иванович, уходя от Таврического сада в сторону Литейного.

На углу Литейного и Салтыкова-Щедрина из тени у входа в полуподвальный магазинчик Николая Ивановича окликнули.

– Брат, не уходи, – раздалось за спиной, и Николай Иванович испугался. Брата у него не было никогда. Значит, тот, за спиной ошибся и пытается втянуть в ошибочный какой-то круг и его. Николай Иванович быстро шагнул на проезжую часть и обернулся, лишь достигнув трамвайных путей. В этом месте мостовая между рельсами была разрушена и частично удалена, так что возникла смутная надежда, что ковыляющий сзади голос споткнется. На пустом минуту назад тротуаре образовался сгусток человеческой материи. Одетый в хлам старик сидел на низком подоконнике витрины и

укоризненно смотрел на Николая Ивановича.

– Брат, постой – просипел старик. Николай Иванович от-
вернулся и окончательно перешел на другую сторону про-
спекта, откуда старик был совсем незаметен на фоне серой
стены.

Неожиданно с улицы Пестеля вывернул милицейский УА-
Зик и быстро проехал мимо. Удалившись на несколько сотен
метров, он включил сирену, замигал своим синим маячком
и снова свернул на боковую улицу.

– Не заметили – запоздало чувствуя, как ходуном ходят
коленки, подумал Николай Иванович, – Проехали!

– Стой, сволочь! Танцор! Подлый брат! – на удивление
громко донеслось с противоположной стороны.

Николай Иванович внезапно обрел дар видеть все со сто-
роны. Он схватился за полы своего халата и раздвинул их,
рассматривая себя с превеликой тщательностью. Он как-то и
забыл, что внешне мало отличается от назвавшегося братом
бродяги. Пегий халат, слишком короткий, что хорошо замет-
но по рукавам, синие пижамные штаны и любимая рубашка,
довольно потрепанная и за годы потерявшая многие пугови-
цы. Но почти новые, хотя и неподходящего размера ботинки
на резиновой подошве, подаренные добрым Павлом. А по-
чему бродяга назвал его танцором? Наверное, из-за походки
– неловкой и валкой по причине боли в ступнях и узких бо-
тинок.

– Весьма похож на нищего – саркастически констатировал

Николай Иванович и вдруг ему стала понятна простая вещь: нищих не забирают.

Встряска, подаренная – иначе Николай Иванович это не оценивал – милицейским патрулем, поставила точку в процессе адаптации. Выяснилось, что ступни уже не болят, что воздух стал теплее и теперь не надо запахиваться в халат, а лучше вообще скинуть его и оставить в ближайшей подворотне. Даже если на улицах станут появляться люди, можно сделать вид, что живешь в одном из этих домов и выскочил прямо из постели на минутку попросить папиросу у прохожего. Николай Иванович помнил, что и у него примерно в такое же время как-то раз просили закурить. Правда, это было давно.

Далее улицы не будили сердца и памяти – до здания народного театра на Моховой. Когда-то Николай Иванович шел мимо этих старинных домов после спектаклей и удивлялся глубокому молчанию стен, окон, спящих за ними людей. Приятели вокруг шумно что-то говорили, а целые улицы молчали. Совсем как темный киоск на углу Моховой и Пестеля, в котором днем продаются лотерейные билеты.

Перед зданием театра Николай Иванович остановился. Почему-то захотелось курить, хотя вот уже девятнадцать лет как он был лишен табака и так – насильно – был отучен от него. Двадцать лет назад, на семьдесят девятом году своего века и своем двадцать пятом Николай Иванович потряс публику в зале и расшевелил кого-то за его пределами тем, что

вынес на сцену свежий номер Центральной Правды, выдержал паузу и вдруг начал читать, глядя на свернутую в смятую посередине трубку газету, совсем другое: "Я не знаю, кому и зачем это нужно...". Дочитал до конца и снова замолчал, а потом, когда ошеломленный зал внезапно забушевал аплодисментами, бросил газету на пол и ушел со сцены. Ушел, как оказалось, надолго. В тот вечер ему хотелось написать кому-нибудь письмо. Написать он мог, но отправить письмо было некому. Пожилые родители спали в соседней комнате. Они не одобряли увлечения сына, выговаривали ему за его друзей. Они не имели в жизни иных триумфов, кроме триумфов всей страны. Личный успех был бы непонятен и страшен.

Николай Иванович стоял перед театром, не узнавая его. Слишком много новых трещин на фасаде, слишком небрежно заколочено фанерой окно возле входа. А ведь были времена, когда вечерами из него выходили люди со свечами в руках и стояли большой светлой лужей поперек всей улицы, как это, вероятно, казалось кошкам и голубям на крышах. Люди в театре менялись, постоянными были только легенды и привидения. Сторож театра, Михаил по кличке Диоген, был в одном лице и легендой, и привидением. Он был известен тем, что однажды протрезвел и сжег собственный паспорт. Он объяснял это дело просто, мол, легко сомневаться в справедливости государства и быть его противником, имея на всякий случай документ о принадлежности к нему. " А

я, – говорил Мишка-Диоген, – теперь чист перед собой. Меня теперь никуда, ни в какой санаторий, не примут. Даже билета на самолет не продадут. И прописки нет. Я теперь – только театральное привидение."

Николай Иванович стоял и мучительно искал в здании перед собой следы обновления. Их действительно не было. И это было хорошо, поскольку начала вновь теплиться затухшая было надежда на встречу с прошлым. Николай Иванович мог стать если не легендой, то призраком. Чем он теперь не Диоген – без паспорта, без планов, только с неосуществившимися надеждами. Всю жизнь его преследовала частичка "не". Даже диагноз, который ему вынесли, как выносят приговор, был неверен, был нечестен. И Николай Иванович не покорился.

За дверью театра послышалась возня. Звякнул металл и дверь раскрылась настолько, чтобы из нее смогла выскользнуть тень молодая женщина. Женщина увидела Николая Ивановича и сделала шаг к нему, приглядываясь, как приглядываются в темноте к подозрительному кусту.

– Дайте, пожалуйста, спички – попросила она.

Николай Иванович не мог рассмотреть ее лица. Это и не было нужно. Достаточно было голоса – в котором звон недавнего отрочества смешался с мягкостью уже умеющей любить женщины.

– У меня нет спичек, – вынужден был ответить Николай Иванович.

– Кто там? – раздался из-за двери мощный мужской баритон.

Женщина сделала еще шаг и разглядев Николая Ивановича, отвернулась от него.

– Да так, какой-то б/у встал. Я пойду, стукну к Таньке.-

Она перебежала улицу и стала стучать в какое-то окно на первом этаже. Дверь театра снова шаркнула по асфальту и из распахнувшегося черного пространства выдвинулась мощная фигура в пятнистой форме.

– Тебе что здесь надо?

– Кажется, ничего. Да, уже ничего. – Николай Иванович тщетно пытался разглядеть через плечо охранника знакомую лестницу. Внутри было так темно, как не было никогда. Мишка-Диоген всегда следил за часто перегорающей дежурной лампочкой в фойе.

– Лампочка перегорела, – сказал Николай Иванович.

– Перегорела, – согласился охранник.– А ты откуда знаешь?

– Я работал здесь.

– Лампочки ввинчивал? – усмехнулся охранник и крикнул на другую сторону улицы,– Скоро ты!-

– Сейчас, уже несет. Танька бутерброды предлагает. Братъ?

– Бери, монтера угостишь!

Женщина вернулась с бутербродами. Она держала их обеими руками. При этом она затягивалась сигаретой, зажатой

в губах.

– Возьми скорее, пепел на платье сыплется.

Она проскользнула мимо Николая Ивановича, не заметив его.

– На, завтракай! – охранник протянул Николаю Ивановичу пару бутербродов и ступил за дверь, потянув ее за собой.

Николай Иванович остался один. Он вышел на середину улицы и, задрвав голову, посмотрел вверх. На третьем этаже здания за одним из окон блеснула полоска света. По тому, как она колыхнулась, Николаю Ивановичу почудилось, что на окне знакомые шторы – бархатные и такие тяжелые, что их никогда не снимали, а выколачивали пыль непосредственно в висячем положении. Пыли в театре из-за постоянного ремонта было много. Ремонт, похоже, продолжался до сих пор.

Николай Иванович опустил голову, но вдруг снова вскинул ее. Совершенно точно, ему не показалось! На вывеске между вторым и третьим этажом в сумраке угадывалось слово "Банк". Не "Театр", а "Банк"! Вот откуда охранник.

Николай Иванович по Моховой дошел до Фонтанки, потом до Невского, пересек его, залитого оранжевым светом, удивившись полному отсутствию не только людей, но даже автомобилей. Далее – по улице Рубинштейна, свернув в нужном месте, вышел на Владимирскую площадь и спустился в метро. Чтобы не привлекать лишнего внимания, он снял свой короткий халат и перебросил его через руку. Второй раз

пришлось вспомнить доброго Павла, ссудившего жетонами на проезд и дополнительно какими-то деньгами. Из таблички на окошке кассы выяснилось, что каждый жетон стоил тысячи!

– Очень резкая смена декораций – подумал Николай Иванович. Ему впервые показалось, что все события ночи – и проехавшие мимо милиционеры, и охранник в ремонтирующемся банке со своей подружкой, и астрономическая цена жетона на метро превращают серьезные поступки в игру. Игру, правил которой он, Николай Иванович Старцев, не знает. Даже то, что на одной стороне жетона было написано Санкт-Петербург, казалось большим подвохом. Неужели то, о чем спорили санитары несколько лет назад, произошло! Схема линий метрополитена в вагоне доказывала это.

Николай Иванович доехал до проспекта Ветеранов. В такое время людей в метро было мало – это был один из первых поездов. А те, что все же ехали куда-то, на Николая Ивановича не смотрели. После Кировского завода в вагоне не осталось никого. Николай Иванович совсем перестал даже думать, что одет не так, как ему бы хотелось. Он пытался представить встречу со старым другом, с которым в свое время много было переговорено и много выпито при этом тридцать третьего портвейна. Точный адрес был забыт, но приметы помнились – школа в окружении деревьев и кирпичное строение с электрическими щитами совсем напротив парадной. Почему-то Николай Иванович не опасался, что в столь

ранний час он может не оказаться желанным гостем.

– Только поспевшая к тому времени публикация на Западе нескольких текстов предотвратила его арест – вспоминал Николай Иванович.

– А я тогда ничего не писал, только читал и играл – думал он уже о себе.

Выяснилось, что ноги помнили дорогу много лучше головы. Моторная память, оказывается, диссиденту нужна не меньше, чем спортсмену. Дверь открыла Наталья – жена друга. Она минуту молча смотрела на Николая Ивановича, потом охнула и обхватив себя руками – чтобы не распахивался халат – отступила в глубь квартиры. Безусловно, годы изменили ее. Лицо несколько расплылось, тела стало как бы больше, но глаза оставались прежними. Именно такими глазами она смотрела на мужа и его авторитетного товарища, когда они показывали, бравлируя друг перед другом, впервые в жизни полученные повестки на Литейный четыре. Взгляд был наполнен жалостью и предвиденьем.

– Коленька... Коля! – сначала прошептала, потом воскликнула она, – не стой в дверях, проходи.

Николай Иванович вошел в прихожую, потоптался, не зная, прилично ли снять ботинки, потом все же снял их и босиком двинулся на кухню, куда скрылась Наталья. Она уже ставила на плиту чайник.

– Я сейчас найду тапочки. Пол-то чистый, да ты босиком. Проходи, проходи в комнату, дочери нет сейчас – уехала в

Америку на стажировку.

– А Вячеслав? Его бы разбудить...

– Иди в комнату, Коленька. Я сейчас приготовлю. Тебе яичницу – побыстрей, или картошку с окорочками разогреть?

– Яичницу. Хотя, наверное, еще рано для завтрака. Да и Вячеслав спит. Ты уж сама его разбуди, а то он со сна и не поверит.

– Иди в комнату, Коленька. Знаешь ли, Вячеслава здесь нет. Развелись мы..., два года как развелись.

Николай Иванович посмотрел на затылок отвернувшейся к плите Натальи и тихонько удалился в комнату. Что-то было неясно. Ничего ведь с виду не изменилось. И мебель та же. Только "Часы" и "Просвет" стоят в книжном шкафу на виду, ни от кого не прячась.

Николай Иванович сел на стул возле торшера и не застеленной постели, положил руки на колени. Ужасно вдруг захотелось есть. Есть и спать. Вячеслав знаком с западными журналистами, благодаря ему побег мог увенчаться полным успехом. А уже получается заминка. Впрочем, Наталья должна знать, где его найти.

Вошла Наталья, убрала со стола какое-то шитье.

– Я тебе сюда принесу, или как прежде – на кухне.

– На кухне. Лучше, как прежде.

Николай Иванович с трудом поднялся, вдруг почувствовав, что тяжело не просто ходить – тяжело уходить от постели.

ли с чистым и еще не остывшим, наверное, бельем.

Наталья разогрела все же картошку с куриными окорочками. Их было два на тарелке.

– А где остальная курица?

– Вам не давали разве? Это так и продается – только окорочка.

Николай Иванович вспомнил убогие больничные порции. Вспомнил и то, как засовывал два пальца в рот и выворачивался наизнанку, лишь бы выдавить из себя полученные лекарства. Это была его хитрость – принимать все, а потом при первой же возможности уходить в туалет. Обманом удавалось снижать количество препаратов, вкалываемых в кровь посредством иглы.

– Нет, нам не давали, – ответил он.

Наталья села напротив, потом спохватилась о чем-то и потянулась к холодильнику.

– Вина выпьешь?

– Давай вместе.

Наталья принесла из комнаты два бокала и они выпили.

– За тебя, за возвращение. Только что ты так одет. Надо было написать, я бы принесла одежду.

– За встречу, за всех нас – ответил Николай Павлович. Он подумал, что не будет пока говорить правду, о том, что его вовсе не выписали.

– А ты как?

– Работаю. Правда, не на почте, как раньше. В сберкассе.

Скоро уже уходить. Так что ты меня даже не разбудил.

– Скажешь, где Славу найти?

Наталья помолчала, опустив глаза. Потом снова подняла их и ответила:

– Скажу. Только ты сейчас не уходи. Поспи. Я тебе приготовлю его костюм и напишу записку, где он. А то ты сейчас такой сонный, что все равно не запомнишь.

– Ты права, ты всегда была, есть и будешь права. Как Кассандра. Помнишь нашу любимую: "Но троянцы не поверили Кассандре...!"

– Помню, все помню. Иди, ложись.

Уже в полусне он добрался, поддерживаемый Натальей, до кровати и провалился в здоровый, без сновидений сон – впервые за девятнадцать лет.

Проснувшись, Николай Иванович нашел на стуле возле кровати серый, в едва заметную косую полоску костюм, светлую рубашку, галстук. На брюках лежал согнутый пополам лист бумаги. Это была, как и ожидалось, записка Натальи. В ней она сообщала, что приготовленный обед нужно взять в холодильнике, и обещанный адрес Вячеслава. Это был не совсем адрес. Округлые буквы складывались в странную фразу: "Чаще всего его можно встретить в подземном переходе на Невском проспекте". В скобках пояснялось – на станции метро Невский проспект. Под запиской смутно блестели ключи от квартиры.

– Надо было про родителей спросить. Она такая, навер-

няка им звонила все время. Хотя бы иногда. По праздникам. – подумал Николай Иванович. Последний раз он видел родителей пять лет назад. Уже тогда они были плохи и казались совершенно старыми и безнадежно отставшими от века и от сумасбродного сына, которого им было не понять. В день этого последнего свидания ему исполнилось столько лет, сколько было им, когда их большие фотографии впервые повесили на заводскую доску почета.

Николай Иванович взял в руки рубашку и понял, что не сможет надеть ее, не вымывшись. Но после горячего душа он не смог влезть в старое, полученное в больнице нижнее белье. Пришлось надеть брюки на голое тело. Новая одежда, хотя и была заметно поношена, коснулась тела как свежий ветерок. Было бесконечно приятно ощущать ее на себе; ее запахом, в котором угадывалась примесь нафталина, хотелось дышать, как раньше хотелось жить поэзией. И перед тем, как отправиться на встречу с Вячеславом, Николай Иванович позволил себе обменять свои изодранные ботинки на его – черные, покрытые давнишней пылью, найденные в тумбочке в прихожей. Николай Иванович их даже почистил, насвистывая при этом какой-то примитивный мотивчик.

В метро Николай Иванович купил – за бешеные деньги! – газету с таким названием, какое в прежние времена было невозможно представить. Времена были серьезнее. По другую сторону газетного лотка стоял пожилой человек с пытливым взглядом. Впрочем, взгляд легко скользил по всему

окружающему, останавливаясь лишь на отмосоливаемых за газеты деньгах.

– Что ему делать на станции метро? – подумал Николай Иванович о друге. – Если все станции такие же, как эта, то другой работы на них нет. Так неужели газеты продает? Или сумел пробить свою идею – уличный театр?

Уличный проблемный театр был грандиозной идеей. Партнером мог стать светофор, фонарный столб, мусорный ящик, даже милиционер – если повезет. Достаточно было заpastись простейшими вещами – газетами, бутылками, метлой – и можно было воплотить в реальном и понятном действии любую, пусть даже самую загадочную и фантастическую мысль об окружающем пространстве и о том, что в нем происходит. К сожалению, сценическое действие не вписывалось в двухстороннее уличное движение. Каждая попытка выйти на улицу превращалась в трагедию щенка, попавшего в речную быстрину.

В метро Николаю Ивановичу уже не удалось сесть, и он стоял, держась за поручень и разглядывая себя в черном оконном стекле. Пожалуй, он выглядел даже элегантней остальных мужчин в вагоне. Только что выбритый подбородок, о чем свидетельствуют царапины на горле возле кадыка, острый взгляд, худощавое тело. Никто не мог бы угадать в нем вчерашнего беглеца, к которому любой бродяга мог обратиться на ты. Танцор! Жаль, что не было шляпы. Со стороны, однако, было заметно, что взгляд чересчур беспокой-

но ощупывает предметы вокруг, запекшиеся капельки крови на горле доказывали, что лезвие оказалось неновым и тупым, а острые плечи и костлявые ладони говорили о физической немощи. Николай Иванович хотел, но не мог из-за тряски читать газету. По заголовкам, которые он просмотрел на эскалаторе, страна где-то все еще воевала, кто-то разрушал основание ее благополучия снизу, кто-то сверху. У нее был теперь президент (нерусское слово) и дума (русское). Со всем этим теперь надо было разбираться.

На Техноложке Николай Иванович попал в такой плотный людской поток, что прекратил сопротивляться и только не перестал вертеть головой, выискивая в толпе симпатичные лица, среди которых – так ему казалось, могли быть знакомые. Поток перенес его на другую ветку метро и впихнул в вагон. На Сенной множество людей вырвалось из вагона, их место заняли другие в не меньшем количестве. Николаю Ивановичу проехали по ногам тележкой с привязанной сумкой, затем кто-то поставил на них тяжелые коробки. Люди сдавленно молчали, только двое подростков где-то сзади шептались и иногда похохатывали, вероятно, щипая друг друга.

К Невскому проспекту костюм Николая Ивановича успел потерять значительную часть того восхитительного аромата, от которого можно было одуреть, как от свободы. Зато приобрел новые запахи, преимущественно пота и почему-то резины. Скорее всего, резиной пахли ладони, которыми Ни-

колай Иванович держался за поручни эскалатора. Николай Иванович даже понюхал их, поднося к лицу и дотрагиваясь до кончика носа, будто бы размышлял о чем-то. Ему не хотелось, чтобы люди вокруг вдруг решили, что его руки испачканы. Но хотя люди растеклись в разные стороны и Николая Ивановича уже не тащил за собой их поток, его не оставило ощущение совместного ритма, совместного движения, того самого свойства, владение которым доставляло несказанную радость в прежние времена, наполненные поэзией и театром. Полное слияние с врагом – разве не это залог победы?

Подземный переход начинался сразу за остекленным выходом со станции. Вдоль стен в рекламных плакатах, многие из которых были представлены в обрывках, на парусиновых скамеечках сидели художники, зазывающие проходящих мимо модели. Николая Ивановича художники не заметили. Далее стояло несколько нищих. Но Николай Иванович уже знал, что их не забирают, поэтому даже не посмотрел на них. За углом, где начинались ступеньки непосредственно на проспект, звучала музыка – довольно фальшивая, но зато громкая. Оттуда напряженно гудел аккордеон, и ему, сбиваясь, вторил хриплый – как разрываемая на груди рубашка – голос. Голос хотел взрыдать, но чувствовалось, что слез уже не осталось. Он взывал и обрывался тусклым итогом: "Все не так, ребята!", звучащим потерянно, как монетка, падающая сквозь решетку при входе в метро.

Николай Иванович зашел за угол и остановился напротив

музыканта. Он узнал его. Да и как было не узнать, если вот уже целую ночь и целый день он шел к нему, и теперь был одет в его костюм, в его ботинки, накормлен его женой. Это был Вячеслав. Вячеслав, который двадцать лет назад догнал его за кулисами и сгреб в охапку, без слов выражая восхищение. Вячеслав, который бежал за машиной, когда увозили его – Николая, бежал, размахивал руками и орал проклятия "ментам" в белых халатах. А за Вячеславом бежала его жена Наталья, подбирая выпадающие из карманов мужа шариковые ручки и маленькие блокнотики.

Теперь Вячеслав стоял у каменной стены и орал песни. Иногда он поправлял ногой крышку футляра аккордеона и два раза нагнулся, чтобы подобрать брошенные неаккуратно и не попавшие в футляр деньги. Репертуар у него был разнообразным, но все из тех времен – двадцать, тридцать лет назад. Играл он, как и пел – нехорошо.

Николай Иванович стоял напротив и ничего не понимал. Все почему-то поменялось местами. Как получилось, что на нем приличный костюм, в котором можно ходить даже на службу, костюм друга, в то самое время, когда друг, одетый в драные, провисшие на коленях брюки, выцветшую брезентовую куртку с какими-то самодельными нашивками, не запахнутую и обнажающую грудь, пыльные ботинки, в одном из которых нет шнурка, стоит, опустив непричесанную голову на аккордеон... У него – Николая Ивановича Старцева есть планы...

И тут Николай Иванович одновременно с нарастающим ударом глубоко под ребрами с левой стороны груди – вторым за неполные сутки – понял, что планов у него уже нет. Ему показалось, что сквозь волосы на голове из обоих полушарий мозга, как рога, начинают расти ветви, и эти ветви врастают в бетон над ними, превращаясь в корни фантастических каменных растений, поднимающихся над Невским проспектом. Он ощутил себя маленькой клеточкой огромной, пронзившей весь мир и сросшейся с ним грибницы, скорее плесени. Николай Иванович с усилием сделал шаг в сторону. Тогда показалось, что ветви с хрустом и болью отрываются от головы.

Николай Иванович все же выбрался из подземного перехода и пошел вдоль проспекта, сойдя с тротуара на проезжую часть, чтобы не сталкиваться с людьми. Столкнуться с автомобилем было не страшно. Он дошел до Казанского Собора, где рядом с весело бьющим прямо в синее небо серебряным фонтаном играл маленький духовой оркестр. Играл озорно и жизнерадостно, что-то классическое, переделанное на современный манер. Под эту музыку Николай Иванович задумался, повернувшись спиной к Собору и как бы готовясь перейти проспект, едва загорится соответствующий сигнал светофора на противоположной стороне.

Впрочем, на самом деле Николай Иванович ни о чем не думал. Он просто вслушивался в звуки и вдруг, в одном ему подходящий момент, подпрыгнул, совершил какие-то дви-

жения ногами, и двинулся через проспект, продолжая выделять замысловатые па, раскланиваясь во все стороны и нимало не заботясь о том, что соответствующий сигнал светофора пока еще предназначался не ему.

1991

В оформлении обложки использована авторская фотография.